

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ОБВИНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. НИЦШЕ)

О.С. Макарова

*Кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкого языка и методики его преподавания
e-mail: olka1@inbox.ru*

О.Н. Тютюнова

*Кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкого языка и методики его преподавания
e-mail: olesya.tyutyunova83@yahoo.de*

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Предлагаемая статья рассматривает коммуникативную стратегию обвинения как способ оценки деятельности человеческого индивидуума немецким философом и ученым Ф. Ницше. Основное внимание уделяется метафорическим единицам, обладающим преимущественно негативной оценкой и свидетельствующим о презрительном отношении автора к человеческой натуре.

Ключевые слова: *метафора, коммуникативная стратегия, обвинение.*

Творчество немецкого философа и ученого Фридриха Ницше тесно связано с размышлениями о феномене человека, с поиском адекватной дефиниции этого понятия. В своих трудах он представляет собственную концепцию миропонимания и привлекает внимание читателя своими неординарными суждениями и переживаниями, соотнося личностные смыслы с общественными идеями об индивидууме, выраженные афористическим языком. Например, детально описан базисный ницшеанский концепт «Mensch» («Человек»), который ассоциативно развивается в следующих направлениях, акцентирующих его образные и ценностные характеристики: интеллектуальная деятельность, искусство, эмоциональные переживания, волевые усилия, мораль [Макарова 2007: 15].

Материалом для написания данной статьи послужили тексты произведений Фридриха Ницше «Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen», «Der Antichrist», «Jenseits von Gut und Böse», «Menschliches, Allzumenschliches I», «Unzeitgemässe Betrachtungen».

Анализируя произведения немецкого автора, мы обратили внимание на то, что персональная оценка человека находит выражение в суждениях Ф. Ницше зачастую «обвинительного» характера, где особенно часто используются образные единицы, выраженные разнообразными

метафорами. Человек толпы получает негативную оценку немецкого философа, что не оставляет сомнения в отрицании им человека как личности, достойной подражания.

Следующей из отличительных особенностей рассматриваемых нами текстов немецкого философа является монологичность изложения собственных воззрений, что позволяет анализировать отдельные примеры в рамках прагмалингвистического подхода, а именно с позиции коммуникативных стратегий и тактик.

Изучение коммуникативных стратегий и тактик не перестает быть одним из наиболее интересных и перспективных направлений в современных лингвистических работах. Как отечественные, так и зарубежные ученые часто обращаются к данному исследовательскому объекту, при этом по-разному трактуя эти понятия. Как отмечает О.С. Иссерс, интерес к изучению коммуникативных стратегий, связан, во-первых, с включением экстралингвистических факторов и, во-вторых, с потребностью в информации, которая учитывала бы феномен жизни человека со всеми его психическими, социальными и этнокультурными характеристиками [Иссерс 2003: 14].

Остановимся на определении понятия «коммуникативная стратегия», которое со временем значительно изменило свой первоначальный смысл и проникло из области военного дела в другие сферы жизни человека. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что термин «стратегия», используемый в науке о языке, интерпретируется неоднозначно. В фокус внимания исследователей коммуникативных стратегий ставятся выполнение некоторого речевого действия, принципы построения любой осмысленной коммуникации, модель организации межкультурного общения и т.п. Но даже несмотря на многозначность данного термина, в основе его содержательной стороны лежат, кроме прочих, идеи планирования действий и направленность на достижение некой цели. Мы опираемся на работы тех лингвистов, которые, изучая коммуникативные стратегии и тактики, основываются на понимании речевой коммуникации как одного из видов жизнедеятельности человека, в которой преследуются цели, направленные на удовлетворение определенных коммуникативно-деятельностных потребностей личности. Отсюда можно заключить, что прагмалингвисты в рамках своего подхода исследуют деятельностную составляющую коммуникативной стратегии. Стратегия определяется, таким образом, как «совокупность речевых действий» [Иссерс 2003: 56], условие и способ достижения высокой степени успешности высказывания [Sanders 1991: 167].

Нельзя не согласиться с выводом исследователей о том, что стратегию можно рассматривать как цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств [Макаров 2003: 193].

Прагмалингвистический подход используется, в частности, в работе О.С. Иссерс, в которой под коммуникативной стратегией понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 2003: 54].

Как видно из приведенных толкований термина «стратегия», исследователями подчеркивается идея о выборе языковых средств для достижения поставленной коммуникативной цели, что во многом определяет ее успешность.

В данном контексте можно с уверенностью утверждать, что тексты философа Ф. Ницше о человеческой натуре являются в широком смысле стратегическими, поскольку взгляды немецкого мыслителя относительно человека строятся для достижения некоторой цели (например, обвинить «последнего человека» или возвысить Сверхчеловека), разворачиваются линейно и показывают языковые средства, выбор которых способствует реализации отдельной стратегии. Кроме того, описание реализации коммуникативной стратегии обвинения в текстах Ф. Ницше в определенной степени совпадает с анализом текстов дискурса судебного заседания. Данная коммуникативная стратегия определяет принцип построения дискурсивного поведения прокурора и выражается в совокупности речевых действий, направленных на изобличение обвиняемого и на обоснование его уголовной ответственности с целью его публичного осуждения [Тютюнова 2008: 53].

В своем анализе языкового материала мы идем от коммуникативной стратегии обвинения к отдельным коммуникативным тактикам и языковой форме их выражения, в нашем случае – к метафорам.

Теория номинации описывает метафору как единицу вторичной косвенной номинации – номинативные знаки, основанные на переносе значения и представляющие собой разновидность переносного значения, базирующиеся на сходстве образной основы, обусловленной наличием общего признака между прямым и переносным значением. Такое понимание метафоры характерно для ее функционирования в художественной речи, в которой метафорический образ выполняет эстетическую функцию. Во вторичной номинативной функции метафора содержит в себе оценочные значения. Метафорическое употребление слова вызывает «направленные эмоциональные ассоциации»: «не переживая слова мыслью, мы переживаем его чувством» [Томашевский 1996: 55].

Если говорить об образной метафоре, актуальной для предлагаемой статьи, то она характеризуется, в первую очередь, ярко эксплицированной образной составляющей. С точки зрения стилистической ценности образные метафоры очень интересны, поскольку они сохраняют два

наименования: «прямое (первичное) и образное (вторичное) значение, приглашающее к особому как бы «удвоенному» видению мира и нередко уподобляемое волшебному фонарю, лучу света, освещающему предмет с неожиданно новой стороны» [Москвин 1997: 47].

Специфика такого метафорического знания заключается в его индивидуальности, благодаря чему достигается эффект неожиданности в описании окружающих объектов действительности. Таким образом, отобранный нами материал исследования показывает, что особенности использования языка Ф. Ницше обуславливают создание неповторимых сравнений, образов, способствующих неординарности подачи философских идей.

Изучение языкового материала позволяет нам сделать заключение о том, что основной коммуникативной тактикой, реализующей стратегию обвинения человеческой природы в текстах Ф. Ницше, является тактика сравнения с животными и животным миром, что убедительно доказывается многочисленными примерами. Кроме того, в данной работе мы приведем несколько примеров коммуникативной тактики порицания черт характера и нравственных качеств человека, а также тактики отрицания деятельности человеческой мысли при создании наук.

Человек, по мнению Ницше, стал человеком, пройдя большой эволюционный путь. Жизненные устремления человеческой природы определяются её низменными желаниями, следовательно, человек стоит на пути возвращения в стан животных. Обозначая собственное понимание и пытаясь дать точную характеристику человеку, ученый использует разнообразные и ёмкие тождества с животным миром. При этом выделенные метафоры свидетельствуют о преобладании негативных оценочных показателей в формировании понимания феномена человека.

Например, по мнению Ф. Ницше, индивидуум подобен трусливой собаке, разрывающейся между желанием съесть кусок мяса и наказанием за это. Согласно его метафорам, человек не должен обладать страхом при совершении поступков, и в то же время ему следует ограничивать свои низменные желания: «*Hüte dich, dass deine Ruhe und Beschaulichkeit nicht der des Hundes vor einem Fleischerladen gleicht, den die Furcht nicht vorwärts und die Begierde nicht rückwärts gehen lässt: und der die Augen aufsperrt, als ob sie Münder wären*» [Nietzsche 1999: 574].

В соответствии с приведенной апелляцией Ф. Ницше к сравнению человека и собаки, тактика соотношения с животным также репрезентирована номинацией с пейоративной коннотацией. В ней Ф. Ницше уподобляет недостойного человека пасти животного: «*allem Reinlichen bin ich hold; aber ich mag die grinsenden Mäuler nicht sehn und den Durst der Unreinen*» [Nietzsche 1976: 99].

Несомненно, что ученый постоянно сравнивает человека с животным, подчеркивая тем самым низкий уровень развития современного

homo sapiens. Метафорические образные сравнения наглядно верифицируют данный тезис: «*wir selbst sind die Thiere, die sinnlos zu leiden scheinen*» [Nietzsche 1976: 20] и «*denn das will er allein, gleich dem Thiere weder überdrüssig noch unter Schmerzen leben, und will es noch doch vergebens, weil er es nicht will wie das Thier*» [Nietzsche 1976: 52].

Презрительное отношение Ф. Ницше к человеческой натуре связано также в понимании автора с домашним, стадным животным – «*das Hausthier, das Heerdenthier, das kranke Thier Mensch*» [Nietzsche 1986: 13]; несчастным животным – «*der Mensch ist, relative genommen, das missrathenste Thier, das krankhafteste, das von seinen Instinkten am gefährlichsten abgeirrte*» [Nietzsche 1986: 26].

Само по себе сравнение с животным достаточно унизительно для человеческой сущности. В качестве следующих примеров назовем метафоры, выражающие презрение и насмешку автора по отношению к человеку. Предметом обвинения являются попытки человека действовать, что, согласно представлениям Ф. Ницше, подобно дерзости червяка или обезьяны: «*die Vermessenheit des kleinen Menschengewürms*» [Nietzsche 1976: 95], «*der Mensch der modernen Ideen, dieser stolze Affe, ist unbändig mit sich selbst unzufrieden: dies steht fest*» [Nietzsche 1991: 146].

Человек толпы, обыкновенный обыватель всегда вечен и, по мнению Ф. Ницше, неистребим как блоха: «*die Erde ist dann klein geworden, und auf ihr hüpfet der letzte Mensch, der alles macht. Sein Geschlecht ist unaustilgbar wie der Erdflöhe*» [Nietzsche 1976: 19]. А стремление человеческой сущности находить негатив во всем, суетность его движений, демонстрируют корреляции человека с пчёлами: «*...wie Bienen und Wespen durcheinander fliegen*» [Nietzsche 1999: 232] или «*es gibt sonderbare Menschen–Bienen, welche aus dem Kelche alle Dinge immer nur das Bitterste und Ärgerlichste zusaugen verstehen*» [Nietzsche 1999: 458].

Далее приведем метафоры, встречающиеся при реализации коммуникативной тактики порицания черт характера и нравственных качеств человека. В работах немецкого философа нами обнаружены многочисленные примеры, в которых отрицательную оценку находят такие качества человека, как двуличность, невежество, скудоумие, а также неумение управлять эмоциями с потоком разрушительной энергии. Так, осуждение лицемерия автором находит свое отражение в следующей цитате: «*vieles, das diesem Volke gut hieß, hieß einem andern Hohn und Schmach: also fand ich's. Vieles fand ich hier böse genannt und dort mit purpuren Ehren geputzt*» [Nietzsche 1976: 61].

Необычно оформлено состояние гнева автором в случае с «*ein Hunger wächst aus meiner Schönheit: wehe tun möchte ich denen, welchen ich leuchte, berauben möchte ich meine Beschenkten – also hungere ich nach Bosheit*» [Nietzsche 1976: 197].

Ф. Ницше не отрицает самобытности каждого человека – «*weil er selber ein eigenes, nur einmaliges Ding ist*» [Nietzsche 1999: 233], к которой необходимо стремиться, чтобы обрести гармонию, присущую музыке – «*sie gleichen einer Musik, welche aus lauter lang gezogenen harmonischen Accorden besteht*» [Nietzsche 1999: 352].

Философ в своих размышлениях о человеке неоднократно подчеркивает слабость человеческой природы. В примерах коммуникативной тактики порицания черт характера обвинение Ницше обращено к человеку, представляющему собой лишь оболочку без внутреннего стержня. Следующая языковая иллюстрация является наглядным тому подтверждением: «*man darf einen solchen Menschen zuletzt gar nicht mehr angreifen, denn er ist ganz Außenseite ohne Kern, ein anbrüchiges, gemaltes, aufgebauschtes Gewand, ein verbrämtes Gespenst, das nicht einmal Furcht und gewiss auch kein Mitleiden erregen kann*» [Nietzsche http].

Следуя размышлениям немецкого философа, человеческая натура лишена цельной сущности, в результате чего она представляется ему обломком драгоценных камней: «*so dass die Menschen, mit denen wir leben, einem Trümmerfelde der kostbarsten bildnerischen Entwürfe gleichen*» [Nietzsche http]. Данная внутренняя разрозненность и бесформенность человека рождает «обломки» в трудовой и интеллектуальной деятельности.

Негативное и обвинительное отношение к человеческой природе проявляется также в понимании деятельности ученых. У Ницше наука занимается работой «подмены» жизни. В данном контексте нами исследовались примеры, в которых прослеживаются ирония и пейоративное отношение автора к ученым и плодам их работы. Автор считает их карликами и ремесленниками, «изготовителями» идей: «*der kleine anmassliche Zwerg und Pöbelmann, der fleißigflinke Kopf- und Handarbeit der Ideen, der modernen Ideen*» [Nietzsche 1991: 170].

Низшая раса, как полагает Ф.Ницше, как раз и состоит из таких «создателей» мысли, пытающихся выявить изолированные друг от друга бессмысленные идеи. Они подобны растениям – сорнякам, растущим без каких-либо усилий со стороны человека: «*Der Gelehrte wächst in Europa aus aller Art Stand und gesellschaftlicher Bedingung heraus, als eine Pflanze, die keines spezifischen Erdreichs bedarf...*» [Nietzsche 1999: 583].

Философ описывает ученого как человека бездушного, автоматически выполняющего свое дело, не замечающего препятствия даже в виде людей: «*Hütet euch auch vor den Gelehrten! Die hassen euch: denn sie sind unfruchtbar! Sie haben kalte vertrocknete Augen, vor ihnen liegt jeder Vogel entfедert*» [Nietzsche 1976: 292]. Они завистливы, пытаются рьяно закрепить свои открытия в силу недостижимости качеств одаренных натур: «*Der Gelehrte hat, wie billig, auch die Krankheiten und Unarten einer*

unvornehmen Art: er ist reich am kleinen Neide und hat ein Luchsauge für das Niedrige solcher Naturen, zu deren Höhen er nicht hinauf kann» [Nietzsche 1991: 122]. Кроме того, интересны примеры метафорического сравнения ученых с лягушками и поля их деятельности с болотом. Ф. Ницше создает яркую картину того, как ученые с удовольствием прыгают в своем болоте, пытаясь осознать сущность человеческой природы: «*dass es einfach alte, kalte, langweilige Frösche seien, die am Menschen herum, in den Menschen hinein kriechen und hüpfen, wie als ob sie da so recht in ihrem Elemente wären, nämlich in einem Sumpfe»* [Nietzsche 1999: 258]. Метафора и ирония в данном примере снова возвращают нас к примерам коммуникативной тактики сравнения с животным, которые нами были описаны ранее.

Подводя итоги, отметим многогранность созданных Ф. Ницше образов человеческой природы. Их преимущественно негативная оценка усиливает впечатление об отрицании человека как личности, достойной подражания, с одной стороны. С другой стороны, проанализированные языковые примеры свидетельствуют о важности, сложности и уникальности такого феномена, как человек в представлении немецкого философа. Коммуникативная стратегия обвинения человека с его слабой, трусливой и бесстрастной натурой успешно реализуется в тактике сравнения с животным миром, тактике порицания черт характера и нравственных качеств, тактике отрицания деятельности человеческой мысли при создании наук. Для языкового выражения названных коммуникативных тактик автором используются, главным образом, метафоры, создающие глубокие образы и обеспечивающие наглядное подтверждение концепций немецкого мыслителя.

Библиографический список

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд. стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Макарова О.С. Метафора как средство языковой реализации индивидуальной концептосферы Ф. Ницше: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 249 с.

Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград: Перемена, 1997. 92 с.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Прогресс, 1996. 334 с.

Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 247 с.

Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. München, 1976. 368 S.

Nietzsche F. Antichrist. 1986. 125 S.

Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse // Jenseits von Gut und Böse. Zur Genealogie der Moral. Stuttgart, 1991. 452 S.

Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches I // Menschliches, Allzumenschliches I und II. München, 1999. 715 S.

Nietzsche F. Unzeitgemässe Betrachtungen [Электронный ресурс]. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/unzeit/unzeit.htm> (дата обращения: 27.01.2018).

Sanders N.E. The two-way relationship between talk in social interaction and actors' goals and plans // Understanding Face-to-Face Interaction: Issues Linking Goals and Discourse. Hillsdale, 1991. P. 167.